

Фигура Другого в пространстве литературоведения

волизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сугай. М., 1994. С. 418–493.

7. Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1960–1963. Т. VI.
8. Блок А. А. Стихотворения и поэмы 1907–1921 // Блок А. А. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1980.
9. Бойчук А. Г. «Святая плоть» земного в «Кубке метелей»: К теме «Белый и Мережковский» // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 144–152.
10. Сологуб Ф. Стихотворения. Л., 1979.
11. Субботин С. И. Андрей Белый и Николай Клюев: К истории творческих взаимоотношений // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сборник / Сост. С. С. Лесневский, А. А. Михайлов. М., 1988. С. 386–403.
12. Шокальский Е. «Распяться на древе — с Тобою, в Тебе...» Лес, дерево и крест в лирике Клюева // XXI век на пути к Клюеву. Петрозаводск, 2006. С. 119–132.

Наталья
Петровна
ДВОРЦОВА

ЧИТАТЕЛЬ МИХАИЛА ПРИШВИНА: ЭСКИЗ К ПОРТРЕТУ

В статье на материале «Книг отзывов» (1954 — начало 2000-х гг.), хранящихся в Доме-музее М. Пришвина, предпринята попытка воссоздания портрета его реального читателя. Читатель-реципиент при этом сопоставляется с читателем-адресатом (представлением писателя о собственном читателе) и рассматривается в контексте проблемы пути писателя.

Каждому читателю М. Пришвина известно, что его творчество обращено к другу. Так М. Пришвин называл «своего читателя».

«Друг» для М. Пришвина — это, безусловно, этическая категория. «Прафеномен нашей русской нравственной жизни, — писал он, — это друг, в этом все... Лучшее движение души русского человека это к другу, за друга (выручить, выволить, постоять за)» [Пришвин 1957: 393]. В «Лесной капели» М. Пришвин рассказывает, как однажды, в ситуации трагикомической, читатели заступились за него и готовы были поручиться за него перед властями. Писатель и его читатели, таким образом, — это некое реальное со-дружество, некое «мы».

Друг и дружба связаны для М. Пришвина также с важнейшим для него понятием творческого поведения. «Моя поэзия, — писал он, — есть акт дружбы с этим волшебным читателем-человеком: пишу — значит люблю» [Пришвин 1984: 105].

Понятие друга, кроме того, приобретает у М. Пришвина, по сути, онтологический и метафизический смысл, со-дружество есть свойство бытия в его трансцен-

дентном измерении. «Из твоей души есть выход в душу другого человека... чтобы вы были вместе» [Пришвин 1984: 134]. «Друг живет не в отдельностях, а в целом человеке», — писал он [Пришвин 1957: 394]. Всю жизнь постигая абсолютное значение отдельной человеческой личности, М. Пришвин тем не менее понимал, что «тайна Вселенной — в понятии “мы”, причем “мы” отражает первоначальное “мы с тобой”, а взглядеться поглубже — это вся Вселенная» [Пришвин, Пришвина 1996: 337]. В «Лесной капели» (глава «Неведомому другу») исторический путь человечества предстает у М. Пришвина как некое со-дружество людей в творчестве жизни: «И десятки тысяч лет жили на земле люди, копили, передавая друг другу, радость, чтобы ты пришел, поднял ее, собрал в пучки ее стрелы и обрадовался... будь смелей, начинай борьбу, помогай солнцу!» [Пришвин 1983: 32]. Друг, таким образом, связан с важнейшей для М. Пришвина религиозной по сути интуицией Целого, в том числе исторического Целого, а следовательно, с многочисленными образами-символами Целого: луг, сад, дом, мир-храм, Весь человек, Большая Кузница, тропинка, лавочка и т. п.

Очевидно, что писательское представление о читателе и реальный читатель могут не совпадать. Что с этой точки зрения можно сказать о М. Пришвине?

В Доме-музее М. Пришвина в Дунино (филиал Государственного литературного музея) хранятся многочисленные «Книги отзывов», первая из которых была начата 31 марта 1954 г.¹ Изучение этих книг — один из возможных путей понимания реального читателя М. Пришвина, даже если исходить из предположения о том, что не все посетители Дома-музея читали его произведения (записи, скорее, свидетельствуют об обратном).

Обычно музей посещают в год от 2 до 4 тысяч человек, о чем в «Книгах отзывов» есть аккуратные записи. Так, в 1979 г. с апреля по ноябрь в музее было 2853 посетителя; в 1997 г. — 2669; в 2000 г. — 3468; в 2002 г. — 3259. Состав их также достаточно постоянен — это туристы, школьники и учителя, студенты и преподаватели, музейные сотрудники, отдыхающие в близлежащих санаториях, рабочие, ученые, писатели, музыканты, политики, банкиры — люди самых разных профессий из Москвы, Иваново, Ленинграда/Санкт-Петербурга, Горького/Нижегного Новгорода, Саранска, Киева, Тбилиси, Риги, Новосибирска, Челябинска, Хабаровска и т. д. — со всех уголков СССР/России, а также со всего мира — из Польши, Германии, Чехословакии, Бельгии, Италии, Франции, Индии, Китая, Японии, Вьетнама и т. д. Обычно все они любят природу и путешествия, М. Пришвин для них — «любимый писатель», нередко сопровождающий их всю жизнь — с детства и до старости. С М. Пришвиным их роднит «чувство дали», заставляющее их отправляться в путь в поисках страны непуганых птиц или Града Невидимого.

В «Книгах отзывов» есть немало записей, свидетельствующих о том, что в Дом-музей приходят те, кого М. Пришвин называл «своими читателями» — его «неведомые друзья». Нередко они так и подписывались: «*читатель, один из миллионов неведомых друзей Михаила Михайловича*» (3.11.1959); «*Спасибо за радушный прием. Друзья-читатели М. М. Пришвина*» (8.8.1960). Достаточно типичной можно считать запись, оставленную в «Книге отзывов» 1 мая 1959 г. писателем Ю. Казаковым, в судьбе которого М. Пришвин сыграл немалую роль:

Фигура Другого в пространстве литературоведения

«С детства был я полонен М. М. Пришвиным, с радостью и волнением побывал, наконец, в доме великого поэта — как один из тех друзей его, к которым обращено было все его творчество».

Весьма примечательной является запись, в которой авторы, скорее всего, по памяти цитировали известные слова М. Пришвина о лавочке для «своего читателя» из книги «Глаза земли», а затем по-своему дописывали его текст: *«И вот мы пришли к Вам, Михаил Михайлович... Мы пришли сегодня к двум столбикам от лавочки, мы садимся на один столбик, на другом столбике мы видим Вас, Михаил Михайлович, нашего любимого писателя и друга» (29.6.1964)².*

Необходимо подчеркнуть, что многие записи «Книг отзывов» (а по сути все они как целое) являются развитием и своего рода дописыванием друзьями-читателями созданного М. Пришвиным. В первую очередь это касается таких его тем и мотивов, как дорога к другу, дом, человек и природа, художник и творчество. При этом темы М. Пришвина становятся не просто темами мысли его читателей, но темами их жизни, а «Книги отзывов» предстают, по сути, как уникальное свидетельство сокровенного и очень реального со-творчества и живого со-дружества читателей и писателя, а виртуальное пространство, которое при этом возникает, может быть понято по аналогии с коммуникативным пространством современной блогосферы.

Важнейшая для М. Пришвина тема дороги к другу (так названа, как известно, одна из частей книги «Глаза земли», раскрывающая суть понимания Пришвиным собственного человеческого и художнического пути) зеркально отражается в сквозной теме «Книг отзывов» — пути читателей к М. Пришвину и его дому. *«Свои читатели пришли к Вам, Михаил Михайлович, они теперь связаны с Вами общими узами через Ваше творчество», — читаем в «Книге отзывов» (14.6.1980).* Пришвинская дорога к другу превращается во множество путей, дорог и тропинок его читателей, открывающих для себя мир, созданный писателем. Путь к М. Пришвину обычно становится для авторов записей важнейшим событием их внутренней жизни; заветной мечтой, которую удается осуществить нередко через много лет после ее появления.

«Более 15 лет шел я к этому дому» (11.8.1971).

«Впервые читал его книги 35 лет тому назад и, конечно, тогда не думал, что побываю в его доме с дочерью, которой сейчас столько же лет, как мне в те далекие годы» (6.8.1972).

«Оказавшись в этих местах случайно 8 лет назад, не мог и не хотел избавиться от желания прийти сюда вновь. К сожалению, путь к Пришвину оказался длиннее этих лет. Открытие его происходит за порогом школы, института и пр.» (8.10.1972).

«Пришвин — это такой мир, к которому можно идти всю жизнь» (25.5.1976).

Такого рода записи характерны не только для соотечественников М. Пришвина, но и для зарубежных гостей Дома-музея. Так, переводчик из Китая пишет, например: *«Я с 1956 г. начал переводить произведения М. М. Пришвина... Я давно хотел посетить деревню Дунино и сегодня моя мечта сбылась. Я очень желал бы остаться здесь навсегда» (13.7.1989).*

Тема дома, важнейшая в творчестве писателя становится одной из главных и в «Книгах отзывов», преобразаясь в тему дома Пришвина. Архетипическая по сути тема эта представлена здесь амбивалентно, в своих полюсах-пределах: «домик», «уголок» — «вселенский мир». Тема эта, кроме того, связана со сквозными мотивами сада, рая, храма, священного места, памятника и др.

Дом Пришвина открывается удивленным взорам посетителей, пораженных «скромным образом жизни писателя» (7.8.1955), как «простой домик» (8.9.1957), нередко они «тронуты скромностью домика» (22.7.1956), его «мудрой и красивой простотой» (июнь 1958). Типичные записи: «Мы еще раз почувствовали здесь великую простоту Михаила Михайловича» (20.7.1958); «Нас поразила скромность обстановки, трудолюбие писателя и членов его семьи, создавших вокруг руин сказочный уголок» (18.7.1959).

«Скромная обитель» (29.1.1956) оборачивается «прекрасным/чудесным уголком русской природы» (1922; 1973 и др.); «чудесным уголком России» (1973; 1977); «чудесной усадьбой» (1977); «райским уголком» (16.6.2001); «приютом священным» (1959) и т.п. В коллективном сознании рождается, по сути, миф о «священном месте», «чудесном, как книги Пришвина» (13.7.1964). Это место — «дорогое для русского человека» (3.8.1971); «святое для каждого русского» (30.9.1973), «заветное», «священное» (1973), «удивительное» (22.5.2003 и др.), «кладовая солнца» (1971).

Тема пришвинского дома как «живого многоговорящего памятника русской культуры» возникает уже в 1954 г. и постоянно развивается (21.6.1972; 11.6.1973 и др.). В пространстве пришвинского мифа она звучит так: «Три заветных места есть на земле — Михайловское, Ясная Поляна и Дунино» (9.6. 1968).

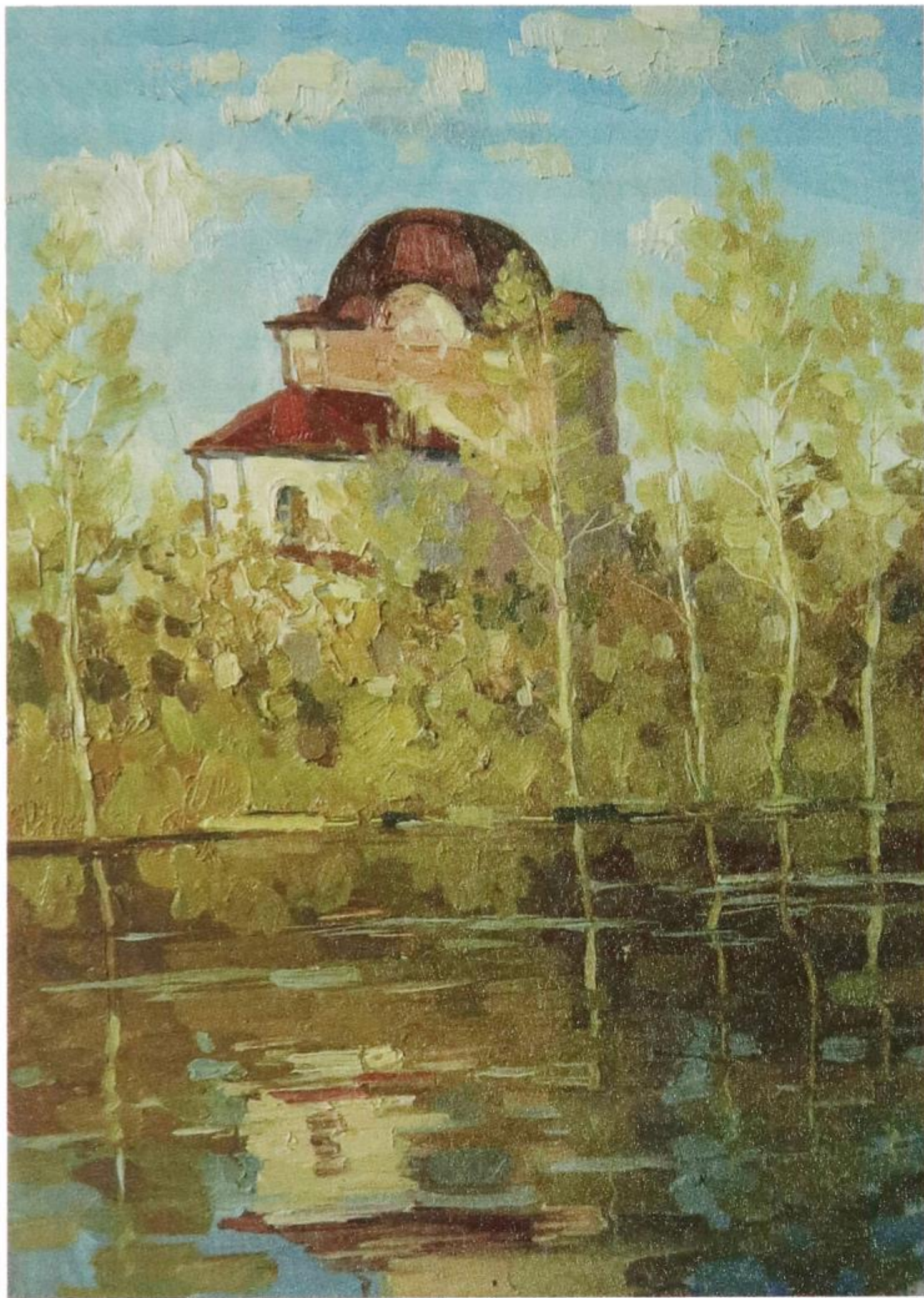
Сквозной темой «Книг отзывов» является тема восприятия пришвинского дома как храма. В теме этой можно усмотреть отзвуки важнейшего для писателя образа мира-храма («За волшебным коlobком» и др.), хотя она прежде всего, безусловно, отражает отношение читателей к автору. «Для всех, кто любит русскую природу, собак и путешествия, — утверждает читатель, — войти в дом Пришвина — это все равно, что войти в храм» (июль 1967). Приведем типичные записи: «Ощущения внутри дома напоминают ощущения храма. Земля вокруг дома светится» (13.5.2001); «Все проникнуто атмосферой Любви и Счастья. Слава Богу, что есть на свете такие места... Сердце наполнилось любовью, глаза — светом, а душа, напившись радости, улетела далеко в синее, чистое Небо» (22.5.2003).

В коллективном мифологическом сознании исчезают, развоплощаются материально-физические границы пришвинского дома, рождается образ Дома Пришвина как культурного и духовного пространства, аналогичного Пушкинскому Дому и Есенинской Руси: «Это не просто домик с садиком, не просто усадьба, а протомонада, полное слияние — взаимопроникновение природы и человека, оазис культуры, глубокой и человеческой» (21.5.2001).

Дом Пришвина воспринимается читателями как живое свидетельство и явление «Пришвинской Руси»: «За большую радость единения с природой, поэзию шелеста листьев сада, за еще одно мгновение Пришвинской Руси — спасибо»

Фигура Другого в пространстве литературоведения

(2.9.1973). Читатели предвидят возможность превращения «пришвинского мира» во «вселенский мир»: «Благодарю судьбу, что сохранила живой уголок пришивинского мира. Пусть судьба пошлет ему возможность стать вселенским миром» (29.5.1971). Дом Пришвина приобретает в их сознании чудесную и вполне реальную способность меняться («расти») во времени и существовать «всегда»: «На этом клочке земли чувствуешь огромный мир, который укоренился здесь почти 30 лет назад и продолжает расти и, надеюсь, пребудет здесь всегда» (19.7.1974).

А. Васильев. Старая церковь. 2002

Очевидно, что творимый в читательском сознании миф пришивинского дома (как и мифологема пути к другу-писателю) существует и может быть понят в пространстве пришивинской темы строительства жизни в настоящем, «дома жизни» взамен недоступной мечты [Пришвин, Пришвина 1996: 43]. Тема эта связана с духовным переворотом М. Пришвина 1937–1940 гг. и является одной из самых значимых в его позднем творчестве. В Дневнике 1940-го г. М. Пришвин пишет о конце русской революционной интеллигенции, которую он называет «бездомной», и о своем «новом сознании»: «Не там где-то, за перевалом, за вой-

ной, за революцией, наше счастье, наше дело, наша подлинная жизнь, а здесь — и дальше идти некуда. Тут, куда мы пришли и куда мы так долго шли, ты и должен строить свой дом... я стал глядеть вокруг себя с родственным вниманием, стал собирать свой дом в самом широком смысле слова» [Пришвин, Пришвина 1996: 55–56]. Очевидно, что именно этот дом «в самом широком смысле слова» — с его этическим, социально-историческим, метафизическим измерениями — и

открывает для себя читатель М. Пришвина, наделяя его вместе с тем новыми культурными смыслами.

В пространстве читательского мифа о доме Пришвина как священном месте закономерно возникает мифологема духа этого места, точнее, миф о самом писателе.

Необходимо подчеркнуть, что записи в «Книгах отзывов» на протяжении пятидесяти лет с подавляющим большинством лишены идеологической и политической окраски, речь идет по преимуществу о частной жизни людей, о пространстве личного. Советская риторика встречается в «Книгах отзывов» крайне редко и свидетельствует о том, что в коллективном сознании читателей М. Пришвин представлен как писатель, включенный и в официальную, и в неофициальную, точнее, личную культуру эпохи. Это соответствует его восприятию и как «советского писателя» (29.8.1954 и др.), и как «большого русского писателя» (29.7.1956 и др.).

Для одной группы читателей М. Пришвин органически включен в пространство советской жизни, более того, причастен к истеблишменту:

*«Нас Ленин в коммунизм ведет
и Циолковский в космос призывал.
Мичурину и Пришвину мы тем благодарны,
что нам в природе подарили чудеса» (18.9.1966).*

Такие читатели, «совершая экспедиционный поход по стройкам семилетки», не могут «не зайти в гости к чудесному писателю» (5.6.1964). Для них М. Пришвин — «Труженик Света, Коммунист» (5.10.1986).

Вместе с тем в «Книгах отзывов» есть записи, авторы которых знают о существовании «другого», «неизвестного» Пришвина [«открытие его происходит за порогом школы, института и пр.» (8.10.1972)]. Они различают в доме М. Пришвина «тональность уклада людей, живущих в стороне от схватки» (12.5.1972). Однако, подчеркнем это, подавляющее большинство авторов записей в «Книгах отзывов» существует в особом пространстве личного, пространстве содружества и со-творчества читателей и писателя:

*«Жадно искал он в час предрассветный
Незамутненной гармонии миг.
Не потому ль и в слове ответном
Правда и Свет, его чистый родник» (21.9.1986).*

Образ М. Пришвина в коллективном сознании читателей предстает как смысловая множественность, что зафиксировано уже в одной из первых записей, воссоздающих портрет писателя: «Человек, философ, певец природы и человеческого во всех его лучших проявлениях» (25.6.1954).

Читатели вместе с тем различают в М. Пришвине человека и писателя (философа и т.д.), хотя тема единства человека и художника в личности М. Пришвина («истинно русский писатель и человек» — 14.6.2001 и др.) также является сквозной в «Книгах отзывов».

Читатели воспринимают М. Пришвина как «светлого человека». Эпитет «светлый» — один из самых распространенных в «Книгах отзывов». Встреча с М. Пришвиным рождает «чувство прикосновения к корням света в русской

Фигура Другого в пространстве литературоведения

душе» (1980). Он — «Труженик Света» (5.10.1986); «поэт света и весны» (29.5.1966); «светлый писатель на земле русской» (17.5.1959). О М. Пришвине также говорят: «Человек-Солнце» (10.1973). В этом своем восприятии читатели, безусловно, вторят известным пришвинским образам, наделяя вместе с тем эпитет «светлый» собственным — прежде всего оценочным, этическим смыслом.

С этой точки зрения читатели видят в М. Пришвине также «человека чистой и доброй души» (август 1956); «человека чистой души» (18.10.1954); «настоящего человека» (7.8.1955); «человека великой простоты» (20.6.1958). «В памяти народной о нем сохранилось представление как об очень хорошем человеке» (19.7.1980). Он «является примером мудрости, честности и благородства» (18.3.1973). Его воспринимают как «совесть нашего народа» (17.6.1956; 12.8.1966 и др.). Кроме того, М. Пришвин для читателей нередко — родной и близкий человек: «очень близкий нам по духу, родной и необходимый человек» (7.8.1977); «самый родной человек по любви и русской природе» (22.8.1963 и др.). Переводчик из Японии благодаря М. Пришвину «впервые узнал близость душ человеческих за пределом времени и пространства» (10.8.1976).

На правах родного человека М. Пришвин входит в пространство не только личной, но и семейной жизни своих читателей, становится «семейным писателем»: «Его книги, — утверждают читатели, — есть в каждом доме, в каждой семье» (28.6.1964). Книги М. Пришвина — семейное чтение. Приведем характерную запись:

«Я очень люблю «Кладовую солнца».

Оля, 3 класс.

Олин брат, тоже поклонник

«Кладовой солнца», 6 класс.

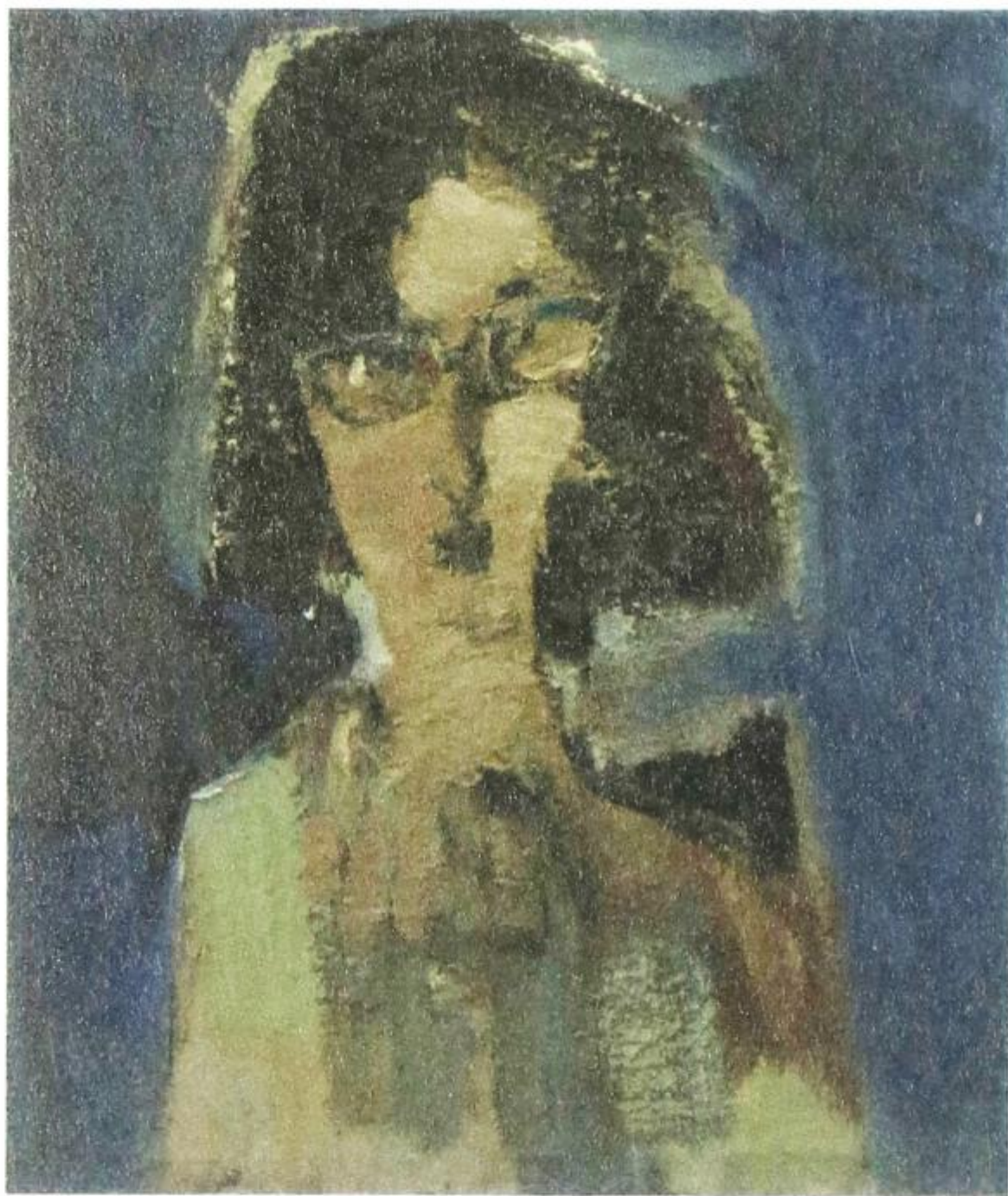
Мама и папа, поклонники «Жень-шеня» (16.8.1964).

В М. Пришвине-писателе читатели видят певца русской природы: «великого природолюбца» (8.9.1957); «защитника русской земли и ее естественной красоты, Провидца и Учителя, предвидевшего глобальные конфликты века, связанные с отношениями человека и природы» (июнь, 1980). Благодаря произведениям М. Пришвина люди стали смотреть на природу «более умными глазами» (6.6.1963). «М. Пришвин умно и тонко умел объяснять нам проблему единства людей и природы нашей Родины» (5.7.1975). «Будут елки и метелки, а описать природу некому. Он только мог», — искренне сожалеют читатели (2.2.1975), с точки зрения которых «его устами с нами говорила Природа» (2.6.1963).

Вместе с тем авторы записей в «Книгах отзывов» никогда не воспринимают М. Пришвина как бесчеловечного, по словам З. Гиппиус, писателя, наоборот, М. Пришвин предстает здесь как «самый человеческий писатель Земли» (17.5.1987); «великий гуманист» (23.6.1989); «великий человеколюбец и духовный наставник» (30.7.1989). М. Пришвина называют «певцом природы и хороших, душевных людей» (16.6.1957); «знатоком природы, души человека, а также человеческого сердца» (9.11.1958; 1.5.1977).

В М. Пришвине видят мудреца, «самого загадочного русского философа» (29.5.1983); «великого мыслителя» (17.6.2003); «взыскательного прозорливца» (4.9.1956); «правдоискателя» (22.6.1963) и «наставника» (23.5.1963 и др.).

Единодушны авторы записей в «Книгах отзывов» также в восприятии М. Пришвина как «истинно русского писателя и человека» (14.6.2001). М. Пришвин предстает как «всеми любимый и такой русский» (27.6.1958); «мудрый поэт типично русского характера» (в оценке читателей из Австрии, 30.5.1964); как «Большой Русский Писатель» (17.7.1971); «часть великого чуда — России» (26.4.1975); «Русская Душа» (29.5.1964); «царь-батюшка земли нашей» (27.8.1962); «созидатель и хранитель духа народного» (8.8.1991). Как бы различно ни понимали читатели М. Пришвина, их объединяет представление о нем как о писателе, который «будил в людях благородные помыслы и сам являлся примером мудрости, честности и благородства» (июнь 1958).

С. И. Мокроусов. Лариса. 2000

Анализ «Книг отзывов» свидетельствует о том, что мотив пушкинского «Памятника» («и чувства добрые я лирой пробуждал») — важнейший в коллективном сознании читателей М. Пришвина. Авторы записей утверждают, что книги М. Пришвина помогают им жить (октябрь 1958; 11.9.1966 и др.): «оказали влияние на выбор жизненного пути» (6.8.1976); на выбор профессии биолога и ветврача (17.6.1979). «С М. Пришвина, — пишет читатель, — начался его путь в русскую философию» (июнь 1992); «Пришел к Пришвину. Как будто к человеку-солнцу. Согрелся. Уверенный и сильный добром его души ушел в жизнь» (октябрь 1973).

«После встреч с Пришвиным меняются взгляды на многое» (11.10.1964). Читатели объясняют это тем, что М. Пришвин, по их мнению, — «писатель, обязывающий к глубокой внутренней работе, плоды которой появляются на свет не вдруг» (22.8.1971). Жизнь и творчество М. Пришвина помогают «прийти к истине» (24.6.1968); являются «школой добра подлинного христианина» (17.6.2001); «делают людей лучше и счастливее» (7.7.1963).

О воздействии книг и личности М. Пришвина читатели пишут: «Это необыкновенно, чувствуешь себя обновленным человеком» (19.8.1956); «души умылись» (17.6.1959); «на душе стало прозрачно, чисто, покойно» (3.9.2002). Пришвин оказывает «оздоровительное воздействие на души людей» (11.8.1971); «боль-

Фигура Другого в пространстве литературоведения

шую радость приносят удивительные книги Пришвина» (28.12.1974). Мотив радости — важнейший в сознании читателей, воспринимающих М. Пришвина как «великого творца радости» (18.8.1959). М. Пришвин, по их мнению, «окрыляет душу» (18.10.1959); «возвышает человека» (1.9.1974), любовь к нему — «патент на благородство» (июнь, 1976), приходят к нему — «с благоговением» (24.8.1971). «Встреча с Пришвиным для каждого человека может стать большим событием в жизни. Для меня эта встреча зажгла тот духовный огонь, который осветил самый таинственный и дотоле не осознанный мною путь — путь к себе», — читаем в «Книгах отзывов» (25.5.1986).

Все эти записи, выбранные из множества аналогичных, — очевидное свидетельство того, что для своих читателей М. Пришвин всегда был «Учителем жизни» и «духовным наставником».

В «Книгах отзывов» есть еще один значимый мотив, характеризующий отношения М. Пришвина и его читателей: «Читать Пришвина — это самое реальное и всем доступное утешение» (6.1.1973). Книги М. Пришвина утешают в скорбях и печалях, в болезнях и страданиях, помогают найти выход из трагедии к радости жизни. Поиски такого выхода в жизни самого М. Пришвина читатели называют «великим душевным подвигом писателя» (8.8.1991). «Гений Пришвина служит и будет служить мне путеводной звездой, особенно в трудный день, в ненастный час», — читаем в «Книгах отзывов» (21.7.1987).

Мотив чтения произведений М. Пришвина как утешения особенно значим в записях, представляющих собой исповедальные истории.

«Читала Пришвина я, конечно, с детства, но душевно полюбила его уже взрослой. В это время я находилась в очень тяжелых условиях, а книги Михаила Михайловича давали ощущение духовной воли, которую никто и никогда не сможет отнять у человека» (1959).

«В мою жизнь М. М. Пришвин вошел в трудное время личного перепутья, разочарований и надежд. И когда я прочитала его первые строки, почувствовал необыкновенный прилив сил, словно идущий от самой Земли» (5.8.1966).

«У моего старшего друга, преподавательницы нашего института, было большое горе: умер брат, умерла мать. Сама она пережила тяжелую жизнь, 1937 год, рудники. Я долго думала, чем можно помочь ей, как хотя бы на некоторое время унять душевную боль, и подарила ей «Незабудки» М. М. Пришвина. Она была очень благодарна за нее» (28.5.1972).

«Читаю М. М. Пришвина давно, с юности. Когда я недавно лежал в больнице, то из большого числа принесенных книг мне читался только Пришвин. Значит нужен именно он в тяжелые минуты» (9.6.1974).

«Ехала моя подруга в Канаду, надолго. Хотела взять одну книгу, одну, но родную, о Родине. Взяла «Незабудки» Пришвина как самое чистое, нежное о Родине, о близком» (май 1977).

Мотив «Незабудок» («Творчество М. М. Пришвина — это НЕЗАБУДКА русской и мировой культуры» — 26.9.1963) — один их самых распространенных в «Книгах отзывов». Спустя полвека после кончины писателя становится ясно, что

он был прав, предсказывая в своем «Завещании» («Глаза земли»): «От Пришвина остались незабудки», цветочки «с золотым солнышком в голубых лепестках», каждый из которых — «живая вселенная» [Пришвин 1984: 162]. Это означает, что в коллективном сознании читателей на протяжении полувека (1954–2000-е гг.) статус М. Пришвина — учитель, духовный наставник, учитель, а «Незабудки» как символ творчества писателя стоят в одном ряду с величайшей книгой мира — «Цветочками святого Франциска Ассизского».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор выражает искреннюю благодарность директору Дома-музея М. М. Пришвина в Дунино Л. А. Рязановой за возможность познакомиться с этими уникальными материалами.

² В статье сохраняются все языковые особенности записей в «Книгах отзывов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пришвин М. М. Из дневников последних лет // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1957.
2. Пришвин М. М. Глаза земли // Пришвин М. М. Натаска Ромки; Глаза земли. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1984.
3. Пришвин М. М. Лесная капля // Пришвин М. М. Произведения 1938–1953 годов. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М., 1983.
4. Пришвин М. М., Пришвина В. Д. Мы с тобой: Дневник любви. М., 1996.

Людмила
Ивановна
ЛИПСКАЯ

Я – ДРУГОЙ: ПРОБЛЕМА ОБРЕТЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ МИЛАНА КУНДЕРЫ

В статье раскрывается концепция идентичности, нашедшая отражение в творчестве Милана Кундеры. Главным становится изучение парадоксального характера обретения подлинного «я», выявленного романистом при осмыслении оппозиции «я» — «другой».

Индивидуализм, основа европейского самосознания, в полной мере начал проявлять свой парадоксальный характер во второй половине XX в. Об инаковости активно заговорили, как кажется, именно в тот момент, когда массовое сознание ощутило очевидный недостаток «другого». Когда М. Фуко